

З.В. Вальтер (Москва, Россия)

Типы переводческой техники в церковнославянском тексте «Повести о Купце»

Аннотация: Статья посвящена некоторым принципам перевода «Повести о Купце» конца XVII в., реализация которых прослеживается на примере функционирования местоимений и местоименных конструкций. Адаптирующий и описательный принципы перевода более всего распространены в тексте. Так, к обоим техникам относятся: 1) соблюдение книжного регистра, заключающегося в реализации тернарной оппозиции указательных местоимений «сей / той / оный», а также 2) замена категории числа личных местоимений 2 л. в прямой речи. В статье также будут рассмотрены особенности функционирования местоимений и местоименных конструкций, в частности с энклитикой «же», и принципы введения новых персонажей в нарратив.

Ключевые слова: техника перевода, функционирование местоимений, теория референции, идентификация, «же»-конструкции

Walter Z.V. (Moscow, Russia)

Principles of the Translation of “The Tale of the Merchant”

Abstract: The article is devoted to some principles of the translation of “The Tale of the Merchant” at the end of the 17th century, which realization is introduced on the functioning of pronouns. Adaptive and descriptive translation are widely spread in the text. Both techniques realize 1) in the observance of the book register, which supposes realization of the ternary opposition of demonstrative pronouns “sej / toj / onyj” and 2) in replacement of number category of personal pronouns in the direct speech. The article also consider features of the functioning of pronouns and pronoun constructions, in particular, with the enclitics “že” and the principles of introducing new characters into the narrative.

Key words: the technique of translation, the functioning of pronouns, the theory of reference, identification, “že”-constructions

В XVII в. на Руси возрастает число переводов с польского языка. Большинство текстов попадало в центральные регионы благодаря книжникам, приезжавшим в Москву из Украины, вошедшей в состав Руси в 1654 г. В круг текстов, переводимых

мых с польского, входили не только произведения религиозного дидактического содержания, но и светские сборники, носящие в большей степени развлекательную функцию. Одним из самых распространенных сборников являются апофегматы Б. Будного «Krótkich a węzłowatych powieści księgi IV» [Małek 2015: 510], в состав которых входила «Повесть о Купце».

Согласно С.И. Николаеву, насчитывается 8 списков «Повести...» [Николаев 2008: 49], и лишь два из них («ГПБ, Соловецкое собр., № 242/242» и «Q. XVII.12») [Малек 2013: 51] ближе всего соотносятся с польским текстом 1614 г., опубликованным Э. Малек в 2013 г.

Публикация О.А. Державиной [Державина 1962] основывалась на двух списках, первый из которых – XVIII в. «БАН 45.5.30», второй – XVII в. «БАН 45.5.30». В текстологическом комментарии издания были выделены фрагменты поздней редакторской правки с восстановленными фрагментами перевода XVII в. Благодаря этому нам удалось проследить особенности реализации разных переводческих техник на примере функционирования местоимений и местоименных конструкций на материале двух взаимосвязанных текстов.

Согласно нашему исследованию, книжник пользуется смешанной техникой перевода, включающей как пословный, так и пофразовый принципы; последний допускает изменение синтаксических конструкций и лексического состава предикативной единицы (ПЕ), что мы можем наблюдать и в сфере местоимений. Статистические данные¹ показывают, что книжник в большинстве случаев следует польскому источнику, однако это не исключает возможности самостоятельной интерпретации.

Нами были выделены три основных принципа перевода местоимений:

- 1) формально мотивированный, для которого характерно употребление местоимения, идентичного польскому;
- 2) замещающий, близкий к адаптирующему или, иначе, доместикационному принципу [Максимович: 51; Уржа 2018: 81; Пентковская 2017: 99–100], заключающийся в замене местоимения при переводе: «na *tut* jarmarku kupić» → «на сем торговлищи купити» [Малек 2013: 150; Державина 1962: 181];
- 3) описательный перевод [Максимович 2008: 43], добавляющий в переводимую ПЕ формально не мотивированное местоимение: «A rzecz pewna» → «А вещь сия не ложна» [Малек 2013: 143; Державина 1962: 176].

В первую очередь обратимся к категории указательных местоимений, при переводе которых возникало больше всего различий с польским текстом.

Реализация тернарной оппозиции указательных местоимений «сей / той / он-оно-го» [Галинская 2016: 296], характерной для церковнославянского (ц.-сл.) книжного регистра, стала следствием распространения замещающего и описательного переводов.

В польском тексте отсутствовало указательное местоимение «сей», его функции (близость объекта к говорящему) принимало местоимение «ten», что доказывается примером (1), где книжник при переводе ориентируется на соотношение объектов по отношению к говорящему в релевантном денотативном пространстве [Шмелев 2002: 35–39]. В (1) реализуется пространственное противопоставление объектов: «клейнот» и «Амбросия». «Клейноты» находятся ближе к говорящему,

¹ Общее количество местоимений ≈ 346. Несовпадения с текстом ≈ 126 – 36,4%. Следование тексту-источнику ≈ 220 – 63,5%

нежели «Амбросий», что приводит к реализации замещающего перевода, т. е. изменению местоимения «to» на «сей».

- (1) «*Ten pas i ten pierścień* darował mi *ten Ambroży* z Placencyjej» → «*Сия* *клеиноты*, пояс и перстень, иже даровал мне *той* *купец* *Амбросий* от града Пляцентии» [Малек 2013: 152; Державина 1962: 183]
- (2) «*Twoje szaty* na znak zabicia twego panu odniosę» → «А *твое* *сие* *платие* на знак забития твоего господину отвезу» [Малек 2013: 147; Державина 1962: 179]
- (3) «*Jał się pytać, czyje by to tak piękne a kosztowne klejnoty* były» → «И начат Истфан вопрошати ево, чии *сии* такие изрядные *вещици*» [Малек 2013: 150; Державина 1962: 181]

В прямой (1), (2) и косвенной (3) речи местоимение «сей» реализуется не только в дейктической – 9 примеров на текст, но и в артиклемно-анафорической функции – 7 примеров.

Так, в (4), (5) местоимение «сей» отсылает к прифразовому антецеденту, под которым мы понимаем отсылку к предшествующей ситуации¹. В (5) более отчетливо выражается артиклевая функция, благодаря наличию в предшествующем контексте (5.1.) скрытоопределенной именной группы [Падучева 2010: 158]. Обратим внимание, что в обоих примерах прифразовая функция анафора маркируется семантикой существительного: в (4) представлено абстрактное существительное, в (5) – прономинальное [Шмелев 2002: 231], включающее в свое значение описываемую ситуацию. Таким образом, в обоих примерах артиклевую функцию выполняют дескрипции [Падучева 2010: 10], или дескриптивные конструкции, являющиеся сложной именной группой, включающей в себя существительное и заместитель артикля – местоимение.

- (4) «a ja wam *to*¹ obiecuję, *jeno*¹ tak tajemnie, aby o tym nikt nie wiedział» → «А я вам *о том*¹ благодарно прошу, *дабы*¹ *сие* *дело* было тайно и никто бы о том ведал» [Малек 2013: 151; Державина 1962: 182]
- (5) «ale wszak to jest *rzecz* (5.1.) dosyć jawna <...> *A rzecz pewna* (5.2.), że z trudnością by jedną należeć» → «а понеже то есть обильна и явственна вещь (5.1.) <...> *A вещь сия* (5.2.) не ложна, яко с трудностю хотя едину обрести» [Малек 2013: 143; Державина 1962: 176]

Функционирование указательных местоимений (и их заместителей) в катафорической функции как в нарративе, так и в прямой речи реализуется небольшим количеством примеров. В переводе встречаем два устойчивых контекста для данной функции:

- 1) наличие подчинительной целевой ПЕ с союзом «дабы» (4¹), (6.1.), (6.2.);
- 2) при глаголах речи (6.2.).

- (6) «*k temu* (6.1) <...> przywiodła, *abyś* dziś na tym sądzie siedział, <...> *proszę* (6.2), *aby* tu <...> powiedział» → «но *к сему* *делу* (6.1) <...> привела, дабы ваша царская милость на том суде сидела <...> усердно *о сем* *молю* (6.2), дабы он <...> исповедал» [Малек 2013: 152; Державина 1962: 183]

Заметим, что в нарративе катафора реализуется чаще всего при глаголах речи в рамочной конструкции, вводящей прямую речь, или следующие речевые ходы

¹ Д.Г. Демидов обозначает данную функцию указательного местоимения как «нестрогая анафора» [Демидов 2011: 9]

[Савельев 2016: 37]. При глаголах употреблялись определительные местоимения «сиць/е» (7) или «так/о» (8), при этом польским текстом мотивировалось лишь второе местоимение «так/о»: «i *tak* rzekł» → «и *так* рекл» [Малек 2013: 146; Державина 1962: 178].

- (7) «Król Zołdan *rzekł*» → «Царь же салтан *рекл сице*»
[Малек 2013: 152; Державина 1962: 183]
- (8) «Tamże został i napisał list <...>, *aby* skoro» → «и послал со слугою и приказал так: как скоро» [Малек 2013: 146; Державина 1962: 178]

Местоимение «сей» в нарративе может функционировать не только как анафор, но и как дейктик. В (9) местоимение указывает на конкретный объект внеязыковой действительности – письменный текст. Такое использование указательного местоимения известно уже в первых ц.-сл. памятниках древней Руси: «**яко сподоби мѧ написати Евангеліе се**». Далее, на рубеже XVII–XVIII вв. данная формула стала распространяться в деловом регистре: «к сей купчей руку приложил Матвей Побединьской» [Майоров 2004: 226].

- (9) «*Повесть же сия* тех странах в памяти держится <...>. Конец сея преславныя¹ повести» [Державина 1962: 184]

Все представленные примеры реализации анафорической функции (в широком понимании термина) отсылают к некоторой ситуации – прифразовому antecedенту. В тексте XVII в. указательное местоимение «сей» ни разу не отсылало к конкретному antecedенту – данную функцию могли выполнять местоимения «той», «он-оний» ~ «он-его». В редакции XVIII в. функционирование местоимений изменяется: становится возможным использование местоимения «сей» как анафора предметного antecedента (10.3.).

- (10) «<...> и той великославный муж оные соколы (10.1.) повелел нести до царя салтана в подарок. И когда *соколы* (10.2.) пред салтана принесены были, и салтан сих (10.3.) принял» [Державина 1962: 181]

С характером функционирования указательных местоимений напрямую соотносится принцип идентификации [Шмелев 2002: 186–187], иначе актуализации [Падучева 2010: 85] нового героя в нарративе. Характер употребления дескриптивных конструкций позволяет произвести более подробную идентификацию. Нами были выделены два разных принципа введения в нарратив центральных героев,

- 1) носящих имя собственное (ИС) (11) и
- 2) не носящих его (12).

В (11) представлен принцип идентификации двух персонажей – Амбросия (11.2.) и Викентия (11.3.). На первом этапе актуализации книжник следует польскому тексту, используя неопределенное местоимение в кванторной функции, формируя, таким образом, экстенциональную именную группу [Падучева 2010: 94]. На следующем этапе наблюдаются расхождения с текстом-источником. Переводчик не использует неопределенное местоимение в дескриптивной конструкции с ИС.

¹ Сочетания «сея преславныя», согласно данным О.А. Державиной, являются более поздней редакторской вставкой (БАН 45.5.30) и отсутствует в Q. XVII.12.

В тексте ИС, или жесткий десигнатор [Шмелев 2002: 227; Падучева 2010: 80], заменяется на функциональное имя [Шмелев 2002: 220], иначе род деятельности героя – «купец». В польском тексте, в отличие от перевода, находим двухступенчатый принцип актуализации героя, на третьем этапе имеет место уточняющая идентификация [Шмелев 2002: 53]: «człowiek płochy a wszeteczny», «człowiek stateczny i kupiec nieladajaki». Б. Будный, в отличие от русского книжника, считает возможным использовать неопределенное местоимение с ИС.

Идентификация персонажа, не носящего ИС, также как в (11), начинается с использования неопределенной именной группы «едина баба» (12.1.), далее указательное местоимение в анафорической функции «тę» заменяется на дескриптивную конструкцию «сия баба» (12.2.), где местоимение «сей» уже не выполняет в полной мере анафорическую функцию: включает в себя элемент «определенности» или «артиклевости».

	<i>niektórzy kupcy w jednej gospodzie stali</i>	(11.1)	Множество купцов некоторые купцы стояли во едином доме
(11)	<i>Miedzy tymi (1)→ był niejaki Ambroży (2) z Placencyje, człowiek płochy a wszeteczny</i>	(11.2.)	Амбросий между ими (1)→ был некоторый купец (2) от града Пляцентии именем Амбросий (3), человек непостоянный и блудный
	<i>Tamże przy tej rozmowie (1) → był też niejaki Wincenty (2) z Genewy, → człowiek stateczny i kupiec (3) nieladajaki →</i>	(11.3.)	Тамо <...> при той речи (1) → был некий купеческий же человек (2) от града Еневы → именем Викентий (3)→

[Малек 2013: 142; Державина 1962: 174]

- (12) «I była tam *jedna baba* (12.1.), która była barzo dobrze świadoma domu Wincentego. *Tę* (12.2.) Ambroży dobrze udarował i zwierzył się jej» →
«И была тамо *едина баба* (12.1.), которая была знаема в доме Викентиеве. *Злый же той* Амбросий, *сию бабу* (12.2.) изыскав и добре одарил»
[Малек 2013: 144; Державина 1962: 177]

Еще одним явлением, относящимся к функционированию указательных местоимений, являются «же»-конструкции. Энклитика «же», в том числе вследствие остаточного влияния закона Ваккернагеля [Валова, Слюсарь 2017: 33], имеет тенденцию выделять в начале предикативной единицы тематический компонент [Ковтунова 1976: 11, 85–86; Живов 2017: 533] и маркировать, таким образом, перемену разных агентов действия (13). В конструкциях, содержащих указательное местоимение «он-онный» ~ «он-его», не формируется относительного местоимения по типу «иже, яже, еже», напротив, здесь местоимение функционирует уже как лично-указательное.

- (13) «*Оная же* (13.1.) <...> уготовившись в путь, немедленно поехав с тем же слугою. Егда же па пути *оная госпожа быша*, приступи *слуга он* <...> поведал ей повеление господина своего. *Она же* (13.1.) у него вопросиша вины на ся <...> *Слуга же* (13.2.) отповеда <...> И тако тамо моля *госпожа* слугу своего <...> дабы ея не погубил. *Слуга же* (13.2.) едва на то преклонился <...> *Та же оная* целомудренная <...> *госпожа* (13.1.), <...> на щастие свое рекуще» [Державина 1962: 179].

В «же»-конструкциях обнаруживается не только нейтральный теморематический порядок компонентов [Ковтунова 1976: 15], наблюдаемый в (13), но и инверсионный. В (14), (15) реализуется конструкция с рецессией темы, или ваккернагелевской темой [Падучева 2012: 479; Янко 2001: 79], выраженной указательным местоимением. Таким образом, в начало ПЕ ставится глагольная рема.

В (15) на базе польского источника формируется книжная конструкция *dativus absolutus* с указательным местоимением «сей», маркирующим книжный регистр. В (14) примере, не мотивированном текстом-источником, используется конструкция с нефинитной формой глагола, но уже некнижного регистра.

- (14) «*Слышав же то*, жена Викентиева обещала ей сохранить и скрыню принести поволила» [Державина 1962: 177]
- (15) «*Ambrożemu, onemu zdrajcy, barzo serce upadło, a zwłaszcza*» → «*Слышавшу же сие Амбросию*, оному злоделателю, сердце его зело устрашися» [Малек 2013: 153; Державина 1962: 183]

Личные и притяжательные местоимения объединяет замещающе-адаптирующий принцип перевода, заключающийся в систематическом изменении 2 л. мн. ч. на 2 л. ед. ч. (16). Данный принцип не направлен на изменение референциального статуса местоимения, а является отражением речевого этикета – обращения к адресату иного социального статуса. Так, в (17.2.) переводчик начинает следовать польскому тексту, однако использование формы 2 л. мн. ч. не изменяет референциального статуса: местоимение продолжает указывать на одного адресата – «салтана».

В (18) после реализации замещающе-адаптирующего перевода (18.1.) происходит окказиональное изменение функций последующих местоимений (18.2.), (18.4.), которые начинают отсылать не к одному, а нескольким адресатам.

- (16) «*i temu, coście powiedzieli*» → «И тому, что *ты* сказывал» [Малек 2013: 143; Державина 1962: 176]
- (17) «*Nie prośba moja, sługi namniejszego Waszej* (17.1.) K[rólewskiej] M[ości] <...> którą *Wasza* (17.2.) K[rólewska] M[ość] inne pany przewyższa» → «Прими моление наименьшаго *твоей* (17.1.) царской милости раба <...> которую *ваша* (17.2.) царская милость и иных монархов превосходишь» [Малек 2013: 152; Державина 1962: 183]
- (18) «*Kiedyż mało macie* (18.1.) na tym, otóż ci *wam* (18.2.) powiem, kiedy jeszcze *chcecie* (18.3.) więcej wiedzieć: *wasza* (18.4.) pani» → «Когда *ты* (18.1.), господине Викентий, о том мало веришь, и я *вам* (18.2.) еще довод предложу и *будете* (18.3.) больши ведати: *ваша* (18.4.) госпожа» [Малек 2013: 146; Державина 1962: 178]

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что книжник при переводе ориентировался на собственное восприятие как польского, так и уже переведенного текста. Стремление повысить стиль языка и распространение адаптирующего перевода являются одними из основных доказательств самостоятельной интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

Валова Е.А., Слюсарь Н.А. Исследование синтаксических свойств энклитики «же»: корпусный и экспериментальный подход // Вопросы языкознания. 2017. №2. С. 33–48.

Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М.: ЛЕНАНД, 2016. 416 с.

Демидов Д.Г. Указательные местоимения русского языка в исторической ретроспективе: связанные и свободны функции: Автореферат дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2011. 45 с.

Державина О.А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 191 с.

Живов В.М. История языка русской письменности: В 2 т. Т. 1. М.: Русский фонд содействию образованию и науке, 2017. 816 с.

Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. Учеб. пособие для студ. М.: Просвещение, 1976. 239 с.

Майоров А.П. Указательные местоимения сей, тот, оной, этот в деловом языке XVII–XVIII вв. // РЯ в научном освещении. №2(8), 2004. С. 222–237

Максимович К.А. Техника перевода / **Заповѣди свѣтыхъ отъць**: Латинский пенитенциал VIII в. в церковнославянском переводе: Исследование и текст. К.А. Максимович. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 208 с.

Малек Э. К изучению древнерусского перевода «Повести о купце» Б. Будного // Труды Отдела древнерусской литературы. Акад. Наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. Т. 34. Л., 1979. С. 332–338

Малек Э. Повесть утешная о купце Беняша Будного в Польше и на Руси (между ренессансной новеллой и назидательной повестью). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. 272 с.

Małek E. Polsko-rosyjskie kontakty kulturowe w XV–XVIII wieku // *Wśród kajów Północy. Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej wobec narodów germańskich, słowiańskich, i naddunajskich: mapa spotkań, przestrzenienie dialogu.* Warszawa, 2015. S. 478–553.

Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008. 248 с.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Отв. ред. В.А. Успенский. 6-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 296 с.

Падучева Е.В. Порядок слов и фразовая просодия: инверсия в теме // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука; под ред. Ю.Д. Апресяна и др.* М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 473–485.

Пентковская Т.В. Адаптация реалий в церковнославянских переводах XVI–XVII вв.: прагматический аспект // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* М., 2017. №3(69). С. 99–100.

Савельев В.С. Древнерусские комплексные речевые ходы. Отношения иллокутивного неравенства (на материале «Повести временных лет») // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 2016. Т. 75. №6. С. 36–47.

Уржа А.В. Прагматические функции замены реалий в современных переводах // *Гуманитарный вектор.* 2018. Т. 13. №1. С. 80–87.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.

REFERENCES

Valova E.A, Slioussar N.A. Syntactic Properties of the Russian Enclitic *Že*: Corpus-based and Experimental Approaches. *Questions of Linguistics*. 2017. No 2, pp. 33–48.

Galinskaya E.A. (2016) Historical Grammar of Russian Language. Moscow. LENAND Publ. 416 p.

Demidov D.G. (2011) Pronouns Demonstrative of Russian Language in Diachronic Aspect: Connected and Free Functions: Abstract of thesis. St.Petersburg. 45 p.

Deržavina O.A. (1962) Translated Novel in Russian Literature of the 17th century. Moscow. Acad. Sciences of the USSR Press. 191 p.

Zhivov V.M. (2017) History of the Language of Russian Writing: In 2 vols. Vol. 1. Moscow. Russian Foundation of the Promotion of Education and Science Publ. 816 p.

Kovtunova I.I. (1976) Modern Russian Language. Words Order and Actual Division of Sentence: Textbook. Moscow. Prosvesheniye Publ. 239 p.

Mayorov A.P. Pronouns Demonstrative “*sej*”, “*tot*”, “*onoj*”, “*etot*” in Business Language of the 17th c. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2004. No 2(8), pp. 222–237.

Maksimovič K.A. (2008) Commandments of the Holy Fathers: Latin Penitential of the 18th century in Church Slavonic Translation: Research and Text. Moscow. St. Tikhon’s Orthodox University Press. 208 p.

Malek E. To the Study of the Old Russian Translation of “The Tale of the Merchant” by B. Budny. In: Proceedings of the Department of Old Russian Literature / Acad. Sciences of the USSR; Institute of Russian Literature (Pushkin House); Resp. ed.: D.S. Likhachev. St. Petersburg. 1979. Vol. 34, pp. 332–338.

Malek E.A. (2013) Comforting Tale about the Merchant Benyash Budny in Poland and Russia (between the Renaissance novel and the edifying agenda). Łódz. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego Press. 272 p.

Małek E. Polsko-rosyjskie kontakty kulturowe w XV–XVIII wieku. W: Wśród kajów Północy. Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej wobec narodów germańskich, słowiańskich, i naddunajskich: mapa spotkań, przestrzenienie dialogu. Warszawa. 2015, pp.478–553.

Nikolaev S.I. (2008) Polish-Russian Literary Ties of the 16th–18th centuries: Bibliographic materials. St. Petersburg. Nestor-Istoria Publ. 248 p.

Paducheva E.V. (2010) Statement and Its Correlation with Reality. Moscow. LKI Publ. 296 p.

Paducheva E.V. Word Order and Phrasal Prosody: Inversion in the Subject. In: Meanings, Texts and Other Exciting Subjects: Collection of articles. Art. in honor of the 80th birthday of Igor Aleksandrovich Melchuk; ed. by Yu.D. Apresyan et al. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ. 2012. pp. 473–485.

Pentkovskaya T.V. Adaptation of Realities in Church Slavonic Translations of the 16th–17th centuries: A Pragmatic Aspect. *Ancient Rus. Questions of Medieval Studies*. Moscow. 2017. No 3(69), pp. 99–100.

Saveliev V.S. Old Russian Complex Speech Moves. Relations of Illocutionary Inequality (based on the “Tale of Bygone Years”). *Izvestia RAN. Series of Literature and Language*. 2016. Vol. 75. No 6, pp. 36–47.

Urzha A.V. Pragmatic Functions of Replacing Realities in Modern Translations. *Humanitarian vector*. 2018. Vol. 13. No 1, pp. 80–87.

Shmelev A.D. (2002) Russian Language and Non-linguistic Reality. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ. 496 p.

Yanko T.E. (2001) Communicative Strategies of Russian Speech. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ. 384 p.

Сведения об авторе:

Зоя Варфоломеевна Вальтер,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Zoya V. Walter,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zoya.walther@gmail.com